Мия Вайти

Пахлава для Новогоднего всадника

Мия Вайти

Пахлава для новогоднего Всадника

«Автор»
2026

Вайти М.

Пахлава для новогоднего Всадника / М. Вайти — «Автор», 2026

Чтобы впервые выйти на настоящую сцену, Эмилю Бергену нужно всего ничего: выпросить у строгой Тимерсу черкеску из музейной витрины. Но экспонаты напрокат не дают. Зато у Тимерсу внезапно освободилась роль Безымянного Всадника на детском празднике. После двух недель в костюме поролоновой козы Эмиль решает, что справится. Даже если у коня шесть ног.Но что если, Эмилю именно здесь впервые не придется кого-то изображать? И сколько чужих желаний надо исполнить, чтобы наконец понять, что хочешь сам?

© Вайти М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мужская профессия 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Мия Вайти
Пахлава для новогоднего Всадника

Глава 1. Мужская профессия

Высоко в горах орлёнок сказал отцу, старому орлу:

— Папа, я мечтаю стать… соловьём.

Старый орёл не стал спорить и три дня кормил сына прекрасными песнями. На третий день орлёнок сказал:

— Папа, я всё ещё хочу быть соловьём. Но можно я пообедаю как орёл?

Так поднимем же наши бокалы с айраном за семью! И за детей, которые не отказываются от мечты, даже когда родители начинают её поддерживать!

На исходе декабря в приморском городе случается особая погода, когда море ещё пахнет летом, а с гор уже тянет мокрым снегом и чужим раздражением. В такую погоду труднее всего оставаться достойным человеком, особенно если ты одет в поролоновую козу.

За неделю до Нового года Эмиля Бергена попросили изобразить козу, которая впервые увидела море.

— Серьезно? Козу?

— Ну год «огненной козы». Показалось, это будет смешно.

— Ясно. А где раньше эта коза жила? — спросил Эмиль.

Менеджер непонимающе на него посмотрел.

— В смысле?

— Ну она же должна впервые увидеть море?

Менеджер раздраженно вздохнул.

— Ну, блин. Это я так просто сказал. Какая разница?

— Как же? Большая разница! Если в горах, она, наверное, удивится. Если на соседнем пляже — это уже вопрос к ней.

— Эмиль, ты на зарплате. У нас семейный отель. Просто обрадуйся.

Он обрадовался. В два часа дня — для семьи из номера двести шестнадцать, в половине третьего — ещё для трёх семей, которые спустились к морю, посмотрели на море и решили остаток отпуска провести в холле. Ветер с набережной гнал дождь под навес, у входа сохли детские сапоги, и коза оказалась единственным существом в отеле, одетым по погоде. Изнутри, впрочем, она была одета по погоде сразу двух сезонов.

Голова у костюма крепилась ремешком под подбородком. Правый рог стоял, левый с утра клонился набок. В служебной записке это называлось «естественная асимметрия образа». Записку написал сам Эмиль после того, как ему предложили возместить стоимость рога.

К трём часам полагалось провести «Мандариновую эстафету». Напарница Эмиля, которую почему-то ни в какого символа года не нарядили, поставила две корзины по краям ковра, вручила Эмилю пластиковую ложку и объявила, что побеждает команда, которая первой перенесёт пять мандаринов. Стоявший ближе всех мальчик молча взял корзину и перенёс сразу все.

— Нельзя, — сказала ведущая. — Это не по правилам.

— Вы сказали, кто первый перенесёт.

Ведущая посмотрела на Эмиля. Сквозь сетку козьего рта он видел её достаточно хорошо, чтобы понять: сейчас от него ждут защиты правил.

— Поздрррравляем! Первое место за доставку! — сказал он мальчику. — Теперь проведём соревнование среди тех, кто работает ложкой.

Мальчик подумал, поставил корзину на место и встал в очередь. Ложкой он оказался далеко не так хорош, но принял это с достоинством. После эстафеты Эмиль заметил, что тот собирает укатившиеся под кресла мандарины. Один выкатился к стеклянной двери, и мальчик долго ждал, когда перед ним разойдутся створки, чтобы спросить у охранника, можно ли забрать фрукт с улицы.

В половине четвёртого дети расселись на ковре, и Эмиль раздавал им мандарины уже без всякого спортивного азарта. Девочка в зелёном платье осталась стоять возле его колена. В руках она держала два одинаковых красных банта, снятых, вероятно, с ёлки. За это в отеле полагалось делать замечание родителям. Родителей поблизости не было. Договоры с девочкой, судя по её виду, были бы сложнее мирного соглашения между расой поедателей окрошки на кефире и расой поедателей того же блюда на квасе.

— Козочка-козочка, а почему у тебя глазки грустные?

Эмиль знал, что глаза у козочки не грустные. Они были вышиты так, словно коза только что увидела стоимость её человеко-часа.

— Это от ответственности, — сказал он. — До Нового года всего неделя, а с подарками ещё не всё решено.

— У меня тоже не всё, — сказала девочка.

Один бант она собиралась подарить маме, другой — папе. Папа был не с ними, а мама говорила, что он приедет, если сможет. Девочка хотела узнать, надо ли в таком случае вешать его бант на ёлку сразу или лучше всё-таки его дождаться.

Из-за стойки администратор показала Эмилю на часы. По программе пришло время козе весело попрощаться.

— Мне кажется, надо возвращать оба банта и прямо сейчас, — сказал он. — Если папа приедет, сразу увидит, где его.

Девочка посмотрела на банты.

— А если не приедет, я ему сфотографирую.

— Отличный план!

Девочка кивнула и понесла банты, прижав к животу. Эмиль придержал ей ветку, пока она вешала банты. Один получился выше другого. Девочка хотела поправить, но посмотрела издали и решила, что так красивее.

Потом Эмиль вышел на середину ковра, поклонился и помахал детям... копытом? Отметил про себя, что, если бы он рассказал отцу, что сегодня был с рогами и махал копытами, тот бы точно не оценил.

Девочка в зелёном не помахала в ответ. Она была занята: объясняла охраннику, что красные банты теперь её и снимать их до вечера нельзя. Охранник, человек лет шестидесяти, выслушал её и уточнил, до какого именно вечера. Она сказала, что уточнит у папы.

В раздевалке Эмиль снял голову и некоторое время сидел, положив её рядом. После нескольких часов в костюме особенно приятно было просто повернуть шею, не задев стену рогом.

— Тебе продлевают смены до второго, — сказала администратор, заглянув в дверь. — Если хочешь. Тридцатого полный день, тридцать первого до семи. Потом мы тебя отпускаем праздновать. Тут шоу-программа будет. Кстати, если хочешь, оставайся, сотрудников пускают.

Судя по тону администратора, её дежурство выпадало как раз на ночь тридцать первого, и она всеми силами боролась со своей скорбью.

— Я подумаю.

— Подумай до завтра. И ещё: в следующий раз не вводи дополнительные призовые места. Тот мальчик спросил, где его медаль за доставку.

— Так дайте ему медаль. Он единственный понял задание.

Администратор ушла. Эмиль достал из шкафчика телефон. На экране висело непрочитанное письмо с темой «Спасибо за участие». Оно пришло три дня назад. На пробы он отправлял два отрывка, оба снимал у стены на съёмной кухне у приятеля, потому что у себя дома не нашёл стены, возле которой никто не стал бы советовать ему выпрямиться.

Первый отрывок приятель забраковал: в середине монолога на заднем плане закипел чайник, и Эмиль автоматически перестал говорить, чтобы выключить его. Второй он досмотрел до конца и сказал: «Слушай, а когда ты молчишь, даже лучше». Эмиль решил считать это похвалой. С таким решением вообще проще было жить.

Теперь он открыл письмо. В нём поблагодарили за интерес и сообщили, что на следующий этап выбрали других кандидатов. Ниже, после подписи, стояло приглашение подписаться на новости проекта.

Эмиль не подписался. Он сложил козу в чехол, проверил, не прижал ли молнией здоровый рог, и пошёл домой.

***

Батрайз Берген по вечерам, когда удавалось уйти из ресторана пораньше, любил готовить дома. Он уверял, что это совершенно разные занятия. В ресторане ему постоянно приходилось отвечать на вопросы. Дома, о чём хорошо знал Эмиль, вопросы можно было задавать самому.

— Ты ел?

— Да.

— Что?

Эмиль снял куртку.

— А что?..

— Еда — это важно.

На плите стоял сотейник. Рядом, на доске под полотенцем, лежало хачапури. Отец прижал полотенце ладонью, проверил тепло и только тогда позволил Эмилю приподнять угол.

— В отеле кормили, — сказал Эмиль.

— Я вижу.

— Что ты видишь?

— Голодные глаза вижу.

Эмиль недовольно цокнул и пошел мыть руки. Потом достал нож и начал резать хлеб к ужину. Отец снял с плиты сотейник и передвинул его на соседнюю конфорку. Сказал, не глядя на сына:

— В январе у меня будет место на кухне.

Эмиль дорезал ломоть. Вопрос о январе они обсуждали уже дважды. В первый раз Батрайз сказал, что на кухне всегда есть работа. Во второй — что никакого места специально для сына он держать не станет. Теперь выяснилось, что место всё же будет. Эмиль понимал, сколько в этом отцовской заботы. Он также понимал, что, если сейчас возьмёт нож и сядет чистить лук, отец с полным основанием решит, будто разговор состоялся.

— Ну класс. Собеседования проводил? — спросил он.

— Проводил, — недовольно буркнул отец.

— Возьми его.

Батрайз повернулся.

— Одного я уже двадцать лет «собеседую». Когда ему было пятнадцать, он мог за час сделать столько, сколько тот, кого я сегодня собеседовал, делает до обеда.

Это был хороший комплимент. Отец редко хвалил то, что происходило больше недели назад, а тут выдал сыну сразу пять лет стажа. Эмиль положил нож.

— Ну спасибо, пап. Но понимаешь, мне нравилось у тебя работать, когда я знал, что в сентябре снова пойду в школу.

— А сейчас что изменилось?

— В сентябре не надо в школу.

Отец не ответил. Сдвинул крышку на сотейнике, чтобы выходил пар, и поправил её ещё раз, хотя с первого раза она легла как надо.

— В отеле тебя держат до праздников. В январе что?

— Я снял комнату. За январь заплатил.

— С видом на чужую сушилку.

— Ну знаете ли! Сушилка, между прочим, не входит в стоимость. Это нам повезло.

Батрайз посмотрел на него. Даже не улыбнулся. Но, видимо, с трудом: Эмиль понял это по тому, с каким вниманием отец вдруг принялся вытирать чистую столешницу.

— За февраль как платить будешь?

— Другую работу найду.

— Я тебе её нашёл.

— Это не работа.

На этот раз Батрайз положил тряпку. Не швырнул, не бросил — расправил на краю мойки. От этого Эмилю стало гораздо яснее, что он сказал лишнее.

— Я не хочу однажды узнать, что ты три дня ел только хлеб, потому что тебе неловко позвонить домой, — сказал отец. — Но и не собираюсь содержать бездельника, который отказывается работать, пока его не позовут в артисты.

— Я работаю.

— В костюме зайца?

Эмиль тихо хмыкнул. И не только «в костюме зайца». Какой позор на отцовскую «седую бороду».

— Костюм выдаёт работодатель. Это даже выгоднее, чем покупать свой фартук.

— Эмиль.

Вот теперь шутить он перестал. Отец тоже. Из гостиной доносился чей-то бодрый голос: «Тебе совсем не обязательно дочитывать учебник до конца». Младший брат, похоже, отыскал единственного преподавателя, которому готов был верить.

— Ты можешь попробовать всё, что хочешь, — сказал Батрайз. — Но в двадцать лет пора выбрать мужское дело. Такое, на которое можно опереться.

Эмиль посмотрел на хлеб. Ломти вышли ровные, один к одному: в детстве отец заставлял его переделывать, если первый был с палец, а последний с ладонь. Потом этот же человек однажды пришёл с работы с обожжённой кистью и сам не заметил, как сын дорезал за него целый ящик помидоров. Эмиль помнил, как ему тогда хотелось, чтобы отец заметил. Теперь отец замечал всё, кроме того, чего Эмилю больше всего хотелось.

— Серьёзно, пап? Это повар, по-твоему, — мужская профессия?

Батрайз поднял глаза. Он не обиделся, даже не огорчился — как будто Эмиль даже и не пытался его задеть.

— Повар кормит людей.

— А актёр что делает?

Отец не ответил. Возможно, он просто старался не сказать сыну то, о чём утром пожалеет.

В дверях появился младший брат. Наушники он носил даже тогда, когда в них ничего не играло: это позволяло не отвечать на вопросы без необходимости объяснять почему. Он посмотрел на отца, на Эмиля и протянул руку к хлебу.

— Руки мыл? — спросил Батрайз.

Брат развернулся и ушёл.

— Как у него с учебой? — спросил Эмиль.

— Они пока не нашли общий язык.

Из коридора донеслось:

— Мы и не искали.

Отец коротко усмехнулся. Потом подвинул к Эмилю доску с хачапури.

— Ешь, пока не остыло, бездельник.

Эмиль оторвал край. Отец ел хачапури с середины и всю жизнь делал вид, что не знает, почему сын начинает с края. В этот раз корочка была особенно удачная. Эмиль хотел сказать об этом, но пока подбирал интонацию, при которой похвала не прозвучала бы перемирием на отцовских условиях, Батрайз уже повернулся к плите.

Мать пришла из спальни со стопкой свитеров. Верхний был отцовский, серый, нижний Эмиль опознал как собственный по дырочке у манжеты. Все три она собиралась отвезти в старый дом ещё в октябре. С тех пор свитера успели побывать в двух шкафах, на гладильной доске и в багажнике, не приблизившись к Ашв-Тшигиву ни на километр.

— Ты ведь хотел съездить в дом? — спросила она Эмиля. — Если поедешь, посмотри, пожалуйста, все ли окна мы закрыли. Я помню, что закрывала. Именно это-то и пугает.

— Я не собирался туда.

— Ну и хорошо. А то там холодно. Хотя если включить отопление сразу, то к вечеру ничего. Свитер возьми.

Она положила ему на колени все три, потрогала его волосы и сказала:

— Ты что, под дождём ходил без шапки?

— В шапке.

Это было почти правдой: к моменту, когда он вышел проводить последнюю семью до машины, козья голова ещё была на нём.

— Поешь, — сказала мать, заметив доску. — Ты сегодня ел?

Эмиль встретился глазами с отцом. Батрайз первым отвёл взгляд, но на этот раз скрыть улыбку не успел.

Поздно вечером телефон зазвонил, когда Эмиль сидел на полу в своей комнате и пытался понять, почему оплаченную на январь комнату он представляет себе яснее, чем собственный январь. Сушилку у соседей он мог описать по прутьям. О работе у него имелось только обещание подумать до завтра.

Звонил приятель из городской труппы. Они познакомились на гостиничном банкете: приятель вёл вечер, а Эмиль в служебном коридоре держал его пиджак и слушал, как тот уго-

варивает по телефону режиссёра не вычёркивать его из спектакля за подработки. После банкета им заплатили с опозданием на две недели. К тому времени они уже дружили.

— Ты сейчас можешь говорить? — спросил приятель.

— Могу.

— А сделать вид, что умеешь ездить верхом?

Эмиль помолчал.

— Смотря кто будет смотреть. Лошадь какая?

— А, нет. Лошади нет. Есть шум копыт, и тот с телефона. Ты «Княжну и Горного Орла» смотрел?

Эмиль смотрел. В конце первого действия Орлу сообщали, что княжну выдают замуж. Орёл так долго принимал известие, что зритель перед Эмилем успел снять куртку, сложить её на коленях, снова надеть и только тогда услышал ответ. Зато побратим Орла ещё до антракта успевал принести дурную весть, отговорить друга от бессмысленной драки и соврать княжне так, что она ему не поверила, но поблагодарила за попытку.

— Смотрел. А что?

— Лёха ногу сломал.

— Как?

— Поехал с девушкой кататься. Сказал ей, что давно не стоял на лыжах. Это чистая правда: до вчерашнего дня он вообще на них не стоял.

— Сильно?

— Гипс до колена. Сегодня прислал фотографию и спросил, можно ли сыграть сидя. Режиссёр всю трубку кофе оплевал, когда на него ругался.

Эмиль вспомнил второй акт. Побратим спускался со стены, уводил Орла от стражи и вырывал саблю у человека, которому по сюжету очень не хотелось её отдавать. Если бы он играл сидя, это был бы совсем другой спектакль. Возможно, интересный, но тогда пришлось бы отменить стену.

— Дублёра нет? — спросил он.

— Был бы дублёр, мы бы сейчас звонили ему. Слушай, это не новая постановка. Всё стоит, все знают, куда идти. До двадцать восьмого прогоним с тобой твои сцены, двадцать девятого генеральная, тридцатого играем. Я показал режиссёру твою запись.

Эмиль сел прямее.

— Какую?

— Без чайника.

Это, как выяснилось, было важнее, чем он думал. Отказ из письма всё ещё лежал у него в телефоне, но теперь запись, сделанная у чужой кухонной стены, понадобилась хотя бы одному человеку без всякой подписки на новости.

— И что режиссёр?

— Сказал, что ты мало двигаешься.

Эмиль подождал.

— Потом я показал ему второй раз, — продолжил приятель. — Он сказал: «Может быть, это и хорошо». У него сегодня был тяжёлый день. Дальше я не настаивал.

За дверью прошёл младший брат. Вернулся. Снова прошёл, на этот раз медленнее. Эмиль открыл дверь. Брат присел у розетки в коридоре и подключал телефон с той степенью сосредоточенности, которая бывает только у людей, занятых чужим разговором.

— У тебя в комнате три розетки, — сказал Эмиль.

— У меня провод короткий.

Провод был обычный. Эмиль прикрыл дверь, не защёлкивая.

— Текст сегодня пришлёшь? — спросил он.

— Уже отправил. Гонорар за спектакль нормальный. За репетиции, сам понимаешь…

— Понимаю. Когда читка?

— Завтра вечером, — приятель запнулся. — Подожди, есть ещё одно условие.

Эмиль открыл присланный файл. На первой странице, под списком действующих лиц, стоял год премьеры. Когда этот спектакль впервые сыграли, он ещё ходил в школу и был совершенно уверен, что к двадцати годам будет знать, как становятся актёрами. Теперь у него, кажется, начинало складываться первое правило: не мешать другим людям вставать на лыжи, если они сами этого хотят.

— Костюм, — сказал приятель. — Нужны черкеска, бурка и папаха. Свои.

— У Лёхи же был костюм.

— Театральный. Папаха ещё ничего, а черкеска на тебе не сойдётся. И режиссёр на прошлом спектакле сидел в зале, увидел бурку в новом свете и теперь говорит, что это половая тряпка.

— А это правда половая тряпка?

Приятель немного помолчал.

— Её шили для сцены. Из того, что было.

— Из половых тряпок?

— Эмиль, я не присутствовал при создании этого шедевра.

Городские прокаты костюмер уже обзвонил. В одном комплект забрали до Нового года, в другом пообещали бурку, которая на фотографии оказалась плащом с капюшоном. Режиссёр, однажды допустивший на сцену «половую тряпку», теперь считал, что имеет право на принципиальность. Премьера или не премьера, сказал он, зрители заплатили за билеты, а не за право угадывать, чем был костюм в прошлой жизни.

Эмилю эти рассуждения были понятны.

Он встал и потянулся за свитером, который мать успела положить поверх рюкзака. Серый был отцовский — Эмиль в нём утонул бы. Свой, с дырочкой у манжеты, он свернул и убрал внутрь. Под ним оказался третий, старый, с деревянными пуговицами. Такой свитер прабабушка велела надевать отцу, если он собирался идти с ней к крепости: наверху всегда дуло, даже когда в деревне от жары прятались под столом.

И тут он вспомнил музей.

Небольшой каменный дом стоял у поворота на крепость. В дальнем зале, возле окна, был манекен, а на нём — черкеска, высокая папаха, настоящая тяжёлая бурка. Костюм был новоделом. Ну, не вчерашним, конечно, но и не сшитым при княжне. Зимой в Ашв-Тшигиве туристов почти не бывало. Смотрительница знала его мать. Он мог прийти, объяснить, оставить залог и вернуть всё на следующий день после спектакля.

Чем дольше он об этом думал, тем разумнее казался план. Особенно если не вдаваться в подробности вроде того, брал ли кто-нибудь когда-нибудь экспонат напрокат.

— Костюм, кажется, достану, — сказал он.

— Ты уверен?

— Нет. Но утром узнаю.

— Тогда я говорю, что на читку ты придёшь?

Эмиль посмотрел на список действующих лиц. Под именем Горного Орла стояло имя побратима. Оно было напечатано таким же шрифтом, хотя весь тот вечер, когда Эмиль смотрел спектакль из зала, ему казалось, что второго человека на афише почти не видно.

— Говори.

Он положил телефон и открыл первую сцену. У Орла там было двадцать три строки о верности, чести и предательстве, после которых побратим отвечал: «Ты мне так и не сказал, кому отдать коня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.